

“ЧЕЛОВЕКУ НУЖЕН ВЕСЬ МИР...”

А.П. ЧЕХОВ

«...Он говорит о том, как нынче из земли,
Еще лишенной трав, чернеющей и влажной,
Тюльпаны ранние вдруг поднялись отважно,
О том, как яблони роскошно зацвели;

И ласка грустная прищуренного взгляда
Обводит с нежностью и свет, и тени сада.
Тенистый старый сад... Он так любил его!..
Он слушал в нем весны живое колдовство,
Он в нем творил и жил...»

Т. Щепкина-Куперник

А.П. Чехов Май 1901

Чехов более чем кто-либо из писателей его времени, жил по правилам мыслителей древности, то есть “исповедовал то, что проповедовал”.

Писал он, как и жил, в полном соответствии со своей формулой: “В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли”.

И на самом деле этот человек и жил прекрасно, и писал прекрасно, что, между прочим, большая редкость. И при этом еще имел деликатность не напрашиваться в классные руководители человечеству...

Многие из российских писателей любили посетовать на судьбу. Чехов тоже не всегда жаловал свою жизнь, а между тем первый же его рассказ был принят и напечатан, никогда он не знал особой нужды, еще при жизни был признан великим, дружил с лучшими людьми своего времени, любил красавиц и был любим красавицами, видел рай – Цейлон и ад в образе Сахалина.

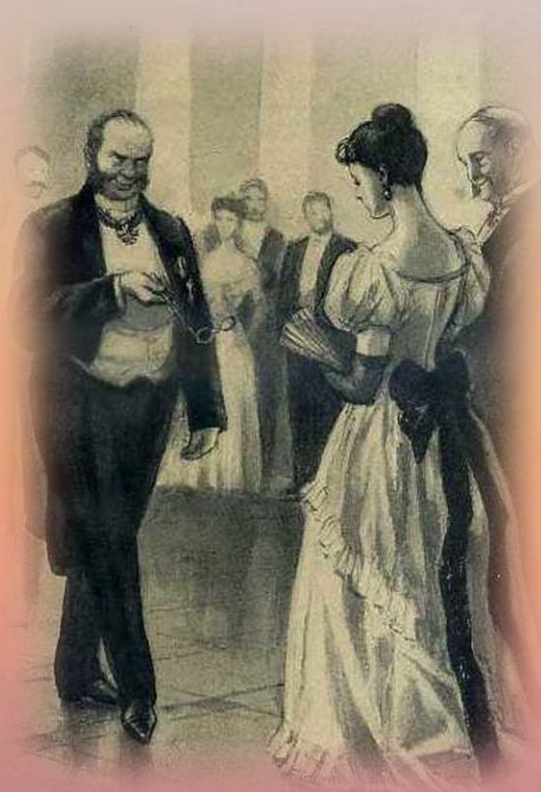
А.П. Чехов. 1881-1882

То ли это было свойство его писательского глаза – различать в самых будничных обстоятельствах художественное зерно, то ли это именно российская жизнь окружала писателя чистой литературой, но герои Чехова постоянно сопровождали его по жизни.

Он жил бок о бок с «человеком в футляре», ездил на вскрытие с «ионычами», чаевничал с симпатичными артиллерийскими офицерами, лечил чудных девушек из обедневших дворянских гнезд и бывал на вечеринках у попрыгуний.

Чехов жил в исключительно смешное время. В том, что он писал смешные рассказы, нет ничего удивительного. Гомерически смешны были все: студенты, проститутки, либералы, министры, земские деятели, невинные девушки, дачники, учителя, священники, интеллигенты, крестьяне, судьи, злоумышленники.

Так забавно бывает только в годы большого общественного отчаяния, после очередного общенародного облома, широкомасштабного крушения надежд и возвращения в прежнюю колею.

К таким временам идеально применимы слова Мандельштама: “Зачем шутить? И без того все смешно”.

Это было невыносимо пошлое время. На вопрос, что такое пошлость, ни один русский литератор еще не дал вразумительного ответа.

Пошлость — все, что человек делает ради самоуважения или чужого восхищения, все, что делается для соответствия образцу, а не по внутреннему побуждению.

«...так наивно искать в чеховском мире фотокопию русской реальности. Тут не фото, не слепок, даже не шарж, – нет, это своего рода *инобытие*...»

Чеховское искусство, не ирреальное, но надреальное, наделенное теми самыми «отдаленными целями – Бог, загробная жизнь, счастье человечества», – это искусство по причине своей высокой нормальности как бы делится преображающей силой со всеми и с каждым.

Дар художника элитарен, но человеческое преображение, запечатленное им, демократично и заразительно.

Чеховский интеллигент – это отчасти мифическое существо, наделенное предельной концентрацией свойств, присущих или приписываемых интеллигенту. Тяга к добру, способность к сочувствию, живость воображения и т. д. развиты в человеке талантливым, тем более в гениальном до степени необыкновенности. Надреальности. Наднормальности.

«Чеховский интеллигент... Вот поминаемое все, но совершенно мифическое существо, ибо – кто он таков? Доктор Дымов? Доктор Ионыч? Доктор Львов – или, наоборот, обличаемый им доктор Иванов? Какой-нибудь адвокат, циник и жох, коим несть числа в прозе Чехова и Чехонте? А может, сам Антон Павлович? Но сам доктор Чехов был очень неоднозначен в высказываниях об интеллигенции».

«Чехов неуловим», – писал еще Константин Серов, может быть имея в виду только его лицо, трудное для портретирования?

*Антон Чехов. 15 июня 1879 года.
День окончания гимназии*

«У Чехова каждый год менялось лицо», – напишет Иван Бунин и назовет перемены не просто внешности, но души:

«В 79 году по окончании гимназии: волосы на прямой ряд, длинная верхняя губа с сосочком.

В 84 году: мордастый, независимый.

В ту же приблизительно пору портрет, писанный братом: башкирский малый.

В 90 году: красивость, смелость умного живого взгляда, но усы в стрелку.

А.П. Чехов – выпускник университета. 1884 год

А.П. Чехов. 1888 год

А.П. Чехов. 1894

В 92 году: типичный земский доктор.

В 97 году: в каскетке, в пенсне. Смотрит холодно,
в упор.

А потом: какое тонкое лицо!»

А.П. Чехов. 1898

Лицо Чехова, изменившееся
от «независимой
мордастости» к
удивительной тонкости,—
поистине зеркало души; не
скажешь точнее этой
банальности. И не
выразишься точнее, чем
Корней Чуковский,
комментировавший известное письмо к Суворину, где говорится о
сыне крепостного, бывшем лавочнике, целовавшем поповские руки,
поклонявшемся чужим мыслям, сеченном, лицемерившем, но —
выдавившем из себя по капле раба: «Мало кто отмечает, что в этих
словах говорится о чуде».

*А.П. Чехов с собакой
Хиной. 1897*

Путь к чуду, по счастью, открыт нашим глазам:
это чеховская переписка.

Е.Я. Чехова и
П.Е. Чехов.
1880-е гг.

«Я никогда не мог простить отцу.
Что он меня в детстве сек».

«Я прошу тебя вспомнить, что
деспотизм и ложь сгубили
молодость твоей матери.
Деспотизм и ложь исковеркали
наше детство до такой степени,
что тошно и страшно вспоминать.

Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали, когда отец за
обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать душой.
Отец теперь не может простить себе всего этого...» *(из письма брату)*

И речь идет не о возмездии. В том-то и чудо, что собственная
незаживающая память о деспотизме и лжи породила совсем другое.
Отец Павел Егорович доживал свои дни в Антошином доме, в почтении
и покое, сам дорастая духовно до непрощения самому себе.

Чеховский юмор — в соотношении между тем, как люди живут, и тем, что они себе при этом представляют.

Жизнь представляется творчеством семьи Туркиных из «Ионыча». Любовь — сплошь и рядом как в романе Веры Иосифовны, начинающемся словами «Мороз крепчал». Искусство — исключительно в духе Ивана Петровича: «Пава, изобрази!».

А если у молодой и чистой девушки заведутся идеалы и жажда деятельности, они удивительно похожи на фортепьянную игру Котика: «она упрямо ударяла все по одному месту, и казалось, что она не перестанет, пока не вобьет клавишей внутрь рояля. Старцев, слушая, рисовал себе, как с высокой горы сыплются камни, сыплются и все сыплются».

Так же в «Доме с мезонином» строгая Лида будет диктовать крестьянской девочке про «кусочек сыру», и все ее служение народу в читательском сознании навеки соединится с этим кусочком сыру.

Самые глубокие слова о чеховском мировоззрении сказал Хармс в дневниковой записи от 31 октября 1937 года:

“Геройство, пафос, удаль, мораль, гигиеничность, нравственность, умиление и азарт — ненавистные для меня слова и чувства.

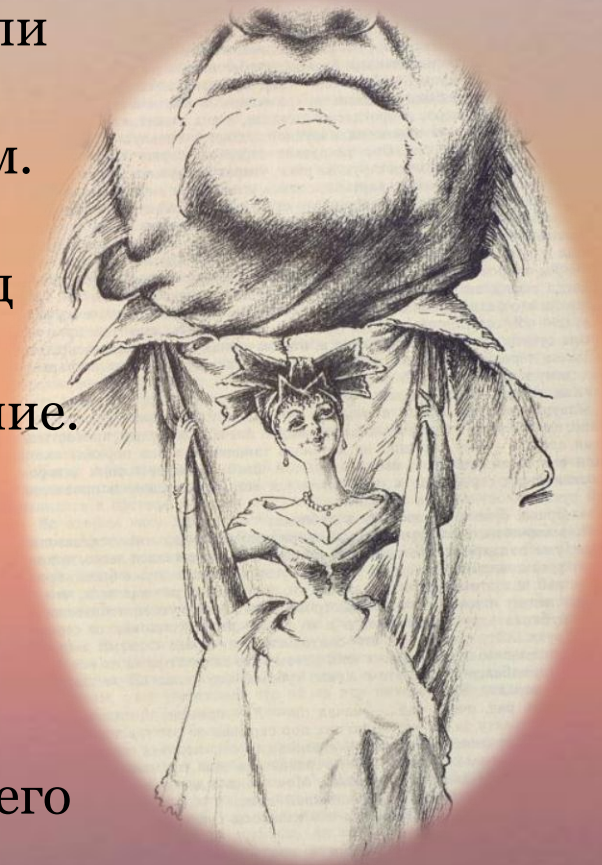
Но я вполне понимаю и уважаю: восторг и восхищение, вдохновение и отчаяние, страсть и сдержанность, распутство и целомудрие, печаль и горе, радость и смех”.

Все перечисленное — от гигиеничности до морали — проходит по разряду пошлости, потому что сводится к следованию установленным образцам.

Вся так называемая мораль — как раз и есть свод правил и образцов, придуманных для самоуважения либо для борьбы за чужое уважение.

Мораль у Чехова — это доктор Львов. Самовлюбленный, прямой, как палка, и отвратительно бесчеловечный тип.

Мораль придумана для тех, у кого нет внутреннего самоограничителя, а у Чехова он есть.

Герои чеховской юмористики — именно те, чье поведение регулируется моралью, то есть безнадежно плоские, смешные, часто жестокие люди. Они не понимают высшего смысла жизни, а потому поступают в соответствии с идиотскими правилами. И тот, кто вдруг понимает, что жизнь устроена не по правилам, — сходит с ума, как Громов, или гибнет, как Рагин.

Отсюда и внеморальность — Чехова, которой не чувствует в нем только безнадежно глухой читатель.

Он чувствует искусственность норм морали, его жизнь его управляется более сложными законами.

Чеховский положительный герой — существо крайне редкое, трудно говорить о том, кто же на самом деле авторский любимец. Пожалуй, Гуров в “Даме с собачкой” да художник-повествователь в “Доме с мезонином”, а самый любимый, интимный, — Дьякон в “Дуэли”, наиболее яркий выразитель чеховского религиозного чувства, соединенного с эстетическим (а может, и тождественного ему).

«Пестрые рассказы» – это инвентаризация мира, и в перечне этом равноправны все приметы мировой пошлости.

Набоков позднее сформулировал то же ощущение: “Мир снова томит меня пестрой своей пустотою”.

Но есть ведь другое. Есть ведь набоковские “нежность, талант и гордость”, хармсовские “восторг и восхищение, вдохновение и отчаяние”, есть чеховская религиозность — осознание вещей куда более тонких и сильных, чем общепринятые нормы и растиражированные грезы. Есть чувство высшей осмысленности мира.

Ведь для создания картины лунной ночи достаточно заметить, что “на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатила шаром черная тень собаки”.

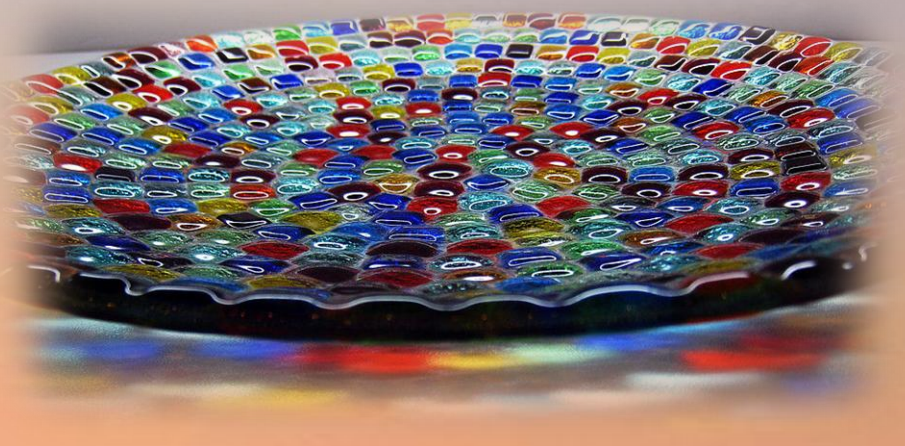
Это и завораживало современников Чехова — поэтов, музыкантов, артистов, художников...

На деле-то, в чеховской иерархии ценностей, тот, кто пролил соус на скатерть, не сделал ничего особенного, тот, кто это заметил, — человек обычный, а тот, кто демонстративно НЕ заметил и спозиционировал себя как человек воспитанный, как раз и есть квинтэссенция духовной глухоты и самолюбования, то есть все той же пошлятины.

Но об этой высшей осмысленности говорит не “Палата номер шесть” и даже не “Черный монах”, а немногие заветные вещи Чехова — “Архиерей”, “Студент”, “Дуэль”, “Припадок”, “Красавицы”. И эти вещи — которые ЗА бытом и ЗА моралью — серьезней всякого реализма.

Острее многих Чехов почувствовал и понял сдвинувшийся, расшатавшийся мир. В сознании художников стал дробиться и распадаться некогда цельный мир. И оказалось, что из осколков силой нравственного внушения невозможно восстановить прежнюю цельность, как надеялся Толстой. Появилась новая реальность...

Один из самых трезвых русских писателей, Чехов зафиксировал конец и распад иллюзий и идеалов (что, по сути, синонимы), которые тешили предшествующую ему отечественную словесность.

Даже чеховские предсказания, к счастью, не сбывшиеся, что его будут читать ещё лет семь, "ну, семь с половиной", – не просто от скромности. От понимания, как катастрофически меняется мир.

«Свобода интеллигента Чехова – в системе запретов, свободно им на себя налагаемых.»

Чехова называют самым депрессивным, унылым и даже иногда однообразным писателем. Мы привыкли к тому, что Чехов – «певец сумерек».

Все его истории – печальные анекдоты, трагические анекдоты, подчеркивающие абсурдность жизни.

Проза Чехова, по его собственному определению, – «скучная история».

Но вот что удивительно – в минуту депрессии, в минуту сильной душевной тоски, когда нам не хочется смотреть на людей, нет сил выйти из дома, мы потянемся к Чехову, и он нас утешит.

Мир не ограничивается палатой №6, вокруг нее есть гигантское море возможностей, гигантское поле надежды – вот самое мощное средство от депрессии, которую нам так успешно излечивает Чехов, когда ничто, казалось бы, не указывает на чудо, всегда растворенное в воздухе.

Чехов – это на самом деле самый мощный антидепрессант в русской литературе. Потому что рядом со всем унылым, что он описывает, установлен мощный источник света. И само наличие этого источника способно воскресить даже мертвого.

Мы испытаем горячую, кровную благодарность. Потому что каким-то непостижимым путем он нас из этого состояния вытащит. Мы встанем и пойдем жить дальше.

«Уходя, Чехов притворил за собой дверь, обозначив конец эпохи и предсказав неизбежно близкий финал... Класса? Группы? Прослойки? Да как ни назови, а финал, после которого и живем, приняв в наследство (те, кто согласен и кто способен принять) полуобъяснимое свойство — интеллигентность».

Станислав Рассадин

*Серов В.А. Портрет
А. П. Чехова. 1902*

«Я иногда думаю, что было в Чехове нечто сверхчеловеческое — не зря жил он и работал одновременно с Ницше. XX век понимал сверхчеловечность ложно, но очевидно, что предыдущий век обозначил некий предел в развитии человеческой природы и заставил ожидать эволюционного скачка.

Чехов был из тех, кто обозначал предел, и обозначил его с предельной внятностью. С него началась литература абсурда, которая, в сущности, как раз и есть взгляд на человека со сверхчеловеческой точки зрения: «Жизнь насекомых», как называется роман одного из самых талантливых и прямых последователей Чехова».

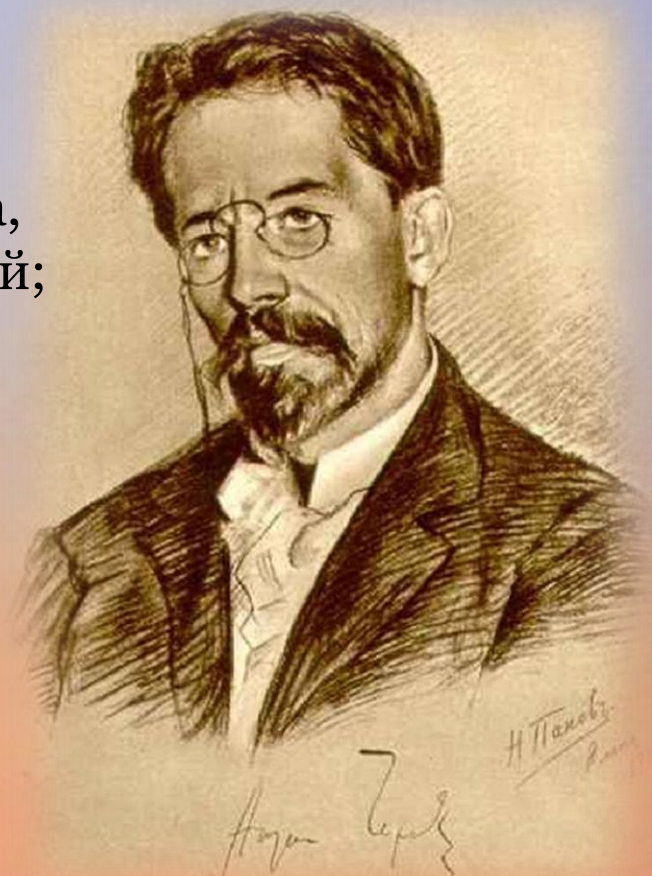
Дмитрий Быков

«...Он с нами навсегда: и в каждом сером дне,
И в русских сумерках, и в летней дреме сада,
И в нежной девушке с задумчивостью взгляда,
И в скорбной женщине с надломленной душой;
В молитвенной тоске, и чистой и большой;
В осеннем вечере и музыке Шопена;
Он с нами, наконец, и в детской вере той,
Что человечество низвергнет узы плена,
И будет жизнь еще прекрасной и святой!..

Он с нами навсегда: душа его родная,
Все наши тяготы, сомненья, муки зная,
Нам издали дарит свой грустный, тихий свет,
Как тихая звезда над мутными волнами...
И верю: с Чеховым для нас разлуки нет,
Пока душа жива — я знаю — Чехов с нами!»

Т. Щепкина-Куперник

1910

Карандашный
портрет А. П. Чехова.
1903.

Его автор — почти
забытый сейчас
художник Николай
Захарович Панов

Иллюстрации:

Давид Александрович Дубинский (1920-1960)

Значительное место в его творчестве заняли серии иллюстраций к повестям "Дом с мезонином" (1954), "Человек в футляре" (1957), "Пестрым рассказам" (1958). Они передают общее настроение, состояния героев через их окружение.

Кукрыниксы — творческий коллектив художников-графиков и живописцев, в который входили действительные члены АХ СССР (1947), народные художники СССР (1958), Герои Социалистического Труда

**Михаил Куприянов (1903–1991),
Порфирий Крылов (1902–1990),
Николай Соколов (1903–2000).**

- **Дмитрий Быков. “Два Чехова” – “Дружба Народов”, 2010, №1**
- **Станислав Рассадин. «Русские, или Из дворян в интеллигенты»**
- **Пьецух Вячеслав Алексеевич. «Рассуждения о писателях »**
- **Марина Загидуллина, Елена Толстая. Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880 — начале 1890-х годов. – «Знамя», 2003, №4**